

Лихачев Д.С.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Около восьми веков назад, в 1187 году, было создано «Слово о полку Игореве» — гениальное произведение древней русской литературы. Протекшие столетия не приглушили его поэтического звучания и не стерли красок. Интерес к «Слову о полку Игореве» не только не уменьшился, но становится все более и более широким, все более и более глубоким.

Почему же так долговечно это произведение, столь небольшое по своим размерам? Почему идеи «Слова» продолжают волновать нас?

Любовь к Родине вдохновляла автора «Слова о полку Игореве». Она как бы водила его пером. Она же сделала его произведение бессмертным — равно понятным и близким всем людям, подлинно любящим свою Родину и свой народ.

«Слово о полку Игореве» проникнуто большим человеческим чувством — теплым, нежным и сильным чувством любви к Родине. «Слово» буквально напоено им. Это чувство сказывается и в том душевном волнении, с которым автор «Слова» говорит о поражении войск Игоря, и в том, как он передает слова плача русских жен по убитым воинам, и в широкой картине русской природы, и в радости по поводу возвращения Игоря.

Значение «Слова» особенно велико для нас еще и потому, что оно является живым и непререкаемым свидетельством высоты древнерусской культуры, ее самобытности и ее народности.

Русь времени «Слова о полку Игореве»

«Слово о полку Игореве» создано в годы, когда процесс дробления Руси достиг своей наибольшей силы. Множество мелких княжеств — «полугосударств» — враждует между собой, оспаривая друг у друга владения, старшинство, втягиваясь в братоубийственные войны во имя эгоистических княжеских интересов. Падает значение Киева как центра Русской земли.

Распад единого Киевского государства начался уже при Ярославе Мудром, в первой половине XI века, когда обособилась Полоцкая земля. Смерть Ярослава Мудрого повела к дальнейшему разделению Русской земли. По завещанию Ярослава, основные русские города того времени: Киев, Чернигов, Переяславль, Владимир-Волынский, Смоленск, с окружающими их областями были распределены между его сыновьями. В конце XI века Черниговское княжество окончательно закрепляется за внуком Ярослава — Олегом Святославичем и его потомством. Этого Олега Святославича автор «Слова о полку

Игоре» прозвал Олегом Гориславичем, правильно указав в нем одного из тех князей, от которых «съящется и растящеть усобицами» Русская земля.

Обособление отдельных земель как наследственных княжеских владений было признано при Владимире Мономахе на Любечском съезде князей в 1097 году. Одно из решений этого съезда гласило: «Каждо да держит отчину свою», то есть «пусть каждый владеет землею отца».

Любечский съезд, признавший разделение Русской земли, не привел князей даже к временному соглашению, его решения были тотчас же нарушены. Один из князей — Василёк Теремовский — был вероломно схвачен двумя другими и ослеплен. Снова начались княжеские раздоры. Призывая к единению, народ киевский обратился к Владимиру Мономаху с просьбой не «погубити Русьские земли» своими раздорами, напоминая, что враги Родины — половцы «имуть радоватися и возмутъ землю нашу». Призыв заканчивался прямым укором князьям, которые своими усобицами хотят «погубити землю Русскую». Этот призыв народа к князьям был на устах у каждого поколения русских людей, в каждом княжестве, в каждом городе.

Галич, Рязань, Смоленск, Владимир-Волынский, Владимир-Залесский, Ростов, Новгород — все эти областные центры решительно стремятся к политической самостоятельности, уходят из-под влияния слабеющего золотого киевского стола, замыкаются в своих эгоистических местных интересах; князья вступают в борьбу друг с другом, про малое говорят «се великое» и погрязают в бесконечных братоубийственных войнах.

Междоусобная борьба князей была трагически осложнена нависшей над Русью половецкой опасностью. Половцы заняли еще в середине XI века степи между Волгой и Днестром, Крым и проникли на Балканский полуостров. Они представляли собой такую мощную военную силу, что не раз грозили существованию Византийской империи, и последняя постоянно обращалась за помощью к русским князьям. Русским князьям в начале XII века удалось одержать крупные победы над половцами, однако половцы продолжали разорять мирное население русских сел и городов: они грабили сельское население, сжигали города, избивали и угоняли в рабство жителей. Быстрая степная конница не знала естественных преград на бесконечных, открытых, необозримых южных и юго-восточных границах Руси, которые было трудно оберегать. Кочевники из бескрайного «дикого поля», из «страны незнаемой» неожиданными походами стремились глубоко проникнуть в Русскую землю. Волны степных набегов разбивались о стойкое сопротивление разрозненных княжеств. Часть половцев оседала на пограничных землях и под именем «ковуев» и «своих поганых», то есть «своих язычников», постепенно проникалась мирным влиянием русской культуры. Но раздоры русских князей создавали возможность для новых вторжений. Враждуя между собой, князья призывали половцев себе в помощь, расшатывая тем самым веками слагавшееся здание русской государственности.

Культура Руси времени «Слова о полку Игореве»

Упадок политического единства Руси не был, однако, связан с ее культурным упадком. Самый распад Киевского государства вызывался развитием хозяйственной жизни на местах и сопровождался ростом его отдельных частей, образованием новых областных центров, подъемом активности городских масс населения.

Рядом с Киевом, Новгородом и Черниговом в этот период растут и крепнут многочисленные новые очаги русской культуры: Владимир-Залесский и Владимир-Волынский, Полоцк и Смоленск, Туров и Галич. Местные литературные школы, глубоко своеобразное зодчество каждой из областей, живопись и прикладное искусство развиваются и крепнут именно в этот период. Воздвигаются многочисленные каменные здания в Киеве, в Чернигове, во Владимире-Волынском, в Галиче, в Новгороде, в Смоленске, во Владимире-Залесском и в других городах обширной Русской земли.

Об одном из зданий этого времени летописец писал, что оно было «измечтано» «всею хитростью», доступною человеку. Сохранившиеся во Владимире-Залесском белокаменные постройки этой поры богато украшены снаружи рельефными изображениями львов, барсов, грифонов, кентавров, всадников и т.п. В живописи создаются превосходные фрески, то есть стенные росписи водяными красками по особым образом подготовленной штукатурке. Остатки таких росписей сохранились в Пскове, в Старой Ладобе, в Новгороде.

О высоком уровне русской культуры времени «Слова о полку Игореве» ярко свидетельствует и прикладное искусство. Художественные ремесла в XII веке представлены роскошными рукописями, тончайшими ювелирными изделиями из золота и серебра с эмалью и чернью, изделиями из железа, резьбой по кости, камню, дереву и т.п. До нас дошли сорок два названия различных ремесленных специальностей этого времени.

Особенного развития в XII веке достигает искусство слова. Большинство древнерусских письменных произведений XII века до нас не дошло в результате истребления врагами, пожарами; но даже то немногое, что сохранилось, свидетельствует об общей высокой литературной культуре XII века, о наличии нескольких литературных школ, о многочисленности жанров, о самой потребности в литературе, о привычке к литературному чтению. Летопись в это время ведется почти в каждом городе, во многих монастырях, нередко — при дворе местного князя.

Исключительно быстрое развитие русской литературы XI–XII веков связано с ростом древнерусского литературного языка — сжатого, выразительного, гибкого, богатого словами, обильно насыщенного синонимами, способными отразить многочисленные оттенки мыслей и чувств. Русский язык этой поры ответил потребностям чрезвычайно усложнившейся русской действительности и создал богатую политическую, военную и техническую терминологию.

гию, смог в полной мере воплотить в себе изощренное ораторское искусство, передать сложное историческое содержание всемирной и русской истории, воспринять в переводах лучшие произведения общеевропейской средневековой литературы. Развитие древнерусского литературного языка отражало общий высокий уровень древнерусской культуры, еще не подвергшейся разрушениям монголо-татарского нашествия.

Древнерусский письменный литературный язык вырос на основе устного русского литературного языка — высокоразвитого языка устной народной поэзии и языка политической жизни. Речи, которыми русские князья перед битвами «подавали дерзость» своим воинам, были великолепны по своему лаконизму, образности, энергии и свободе выражения. Особым лаконизмом, выработанностью словесных формул, образностью отличались речи, произносившиеся на вечевых собраниях. То же можно сказать о речах на пиршествах, на судах, на княжеских съездах, о речах, произносившихся послами. В русский литературный язык влились отдельные слова и выражения древнеболгарского языка, использовавшегося в церковной письменности и в богослужении и известного под названием языка церковнославянского.

Однако грамматический строй русского языка остался русским, а отдельные церковнославянские слова не разрушили основного словарного фонда русского языка. Русский язык переработал в себе элементы церковнославянского языка и стал еще богаче и выразительнее.

Словарный состав древнерусского языка в XII веке был уже очень богат.

Язык русских летописей, язык русских договоров и грамот и многих других произведений русской письменности, а в первую очередь язык «Слова о полку Игореве» — это древнерусский письменный литературный язык. Богатый и выразительный, он был одним из главных достижений русского народа того времени.

События русской истории, предшествовавшие походу Игоря Святославича новгород-северского

Большинство феодальных усобиц XII века было связано с враждой потомства Мономаха и потомства его противника Олега Святославича — Олега Гориславича «Слова о полку Игореве». И мономаховичи, и ольговичи постоянно пользовались половецкой помощью в своих походах на соседние русские княжества. Особенно часто прибегали к помощи половцев черниговские ольговичи, искавшие мира и союза с беспокойным населением смежных им степей. И эта половецкая «помощь», как и самостоятельные походы половцев, стала с конца XI века жестоким народным бедствием. Особенно усиливаются набеги половцев в 70-х годах XII века, когда, по выражению летописца, начинается «рать без перерыва».

Русские князья имели к этому времени опытных и закаленных в боях профессиональных воинов, составлявших основное ядро их войска — дружину.

Кроме этих дружин, князья могли в случае необходимости собрать многочисленное войско из крестьян и горожан. На границах со степью стояли заставы; в самой степи находились русские «сторожа» — разведчики, следившие за передвижениями кочевников.

Русское войско было в XII веке в основном конным; оно было очень быстрым в передвижениях, выработало искусную тактику борьбы с кочевниками. Русские походы в степь предпринимались по преимуществу весной, когда истощенные на скудном зимнем подножном корму кони половцев оказывались гораздо слабосильнее коней русского войска. В бою русские войска умели действовать сложными построениями, были стойки и бесстрашны. Чувство воинской чести и любовь к Родине отличали и профессионалов-дружинников, и простых воинов, набранных из народа. Вооружение дружинников составляли мечи, сабли, луки, иногда шестоперы (особые палицы с шестиреберными наконечниками). Кроме того, дружинники имели копья — оружие, хотя и легко ломавшееся, но незаменимое в первой стычке с врагом.

Дружинники имели прочные стальные (булатные) шлемы и брони, то есть кольчуги, появившиеся на Руси раньше, чем в Западной Европе. Вооружение простых воинов было проще — здесь чаще встречались копья и топоры. Тяжелые, накалявшиеся на солнце шлемы и брони надевались обычно перед самым сражением.

Однако общерусского войска с единым командованием на Руси в то время не было. Союзные походы русских князей собирались с трудом, а каждое из войск того или иного русского князя было гораздо малочисленнее войска половцев.

Начавшийся в 70-х годах XII столетия особенно сильный натиск половцев разбивается об ответные походы русских. После ряда поражений половцы объединяются под властью хана Кончака. Половецкие войска получают единую организацию и хорошее вооружение; у них появляются и сложные металлические орудия, и «греческий огонь», и огромные, передвигавшиеся «на возу высоком» луки-самострелы, тетиву которых натягивало более пятидесяти человек. Разъединенная раздорами Русь лицом к лицу столкнулась с сильным и, главное, единым войском кочевников.

Под влиянием половецкой опасности, как впоследствии под влиянием опасности монголо-татарской, даже в княжеской среде зреет идея необходимости единения. В 80-х годах XII века делается попытка примирения ольговичей и мономаховичей. Сами ольговичи рвут со своей традиционной политикой союза со степью, и замечательно, что в истории этого перелома политики ольговичей очень важную роль играет герой «Слова о полку Игореве» — ольгович Игорь Святославич, князь новгород-северский.

В начале Игорь — типичный ольгович. Еще в 1180 году половцы деятельно помогали Игорю Святославичу. Наголову разбитый Рюриком Ростиславичем киевским у Долобска вместе со своими союзниками — половцами, Игорь

Святославич вскочил в ладью сам-друг со своим будущим злейшим врагом, а теперешним союзником ханом Кончаком и успел скрыться от киевского князя.

Одержав победу, киевский князь Рюрик своеобразно воспользовался ее плодами. Не чувствуя в себе достаточно сил, чтобы удержать в своей власти Киев, он оставил на великом княжении киевском ольговича — Святослава Всеволодовича, будущего героя «Слова о полку Игореве», а себе взял остальные города киевской области. Киев был уступлен Рюриком Святославу киевскому на условиях, о которых мы можем лишь догадываться: по-видимому, Святослав обязался отказаться от союза с половцами и условился действовать против них в согласии со всеми русскими князьями. В ближайшие годы Рюрику и Святославу удастся широко организовать союзные походы русских князей на степь.

Обязательства главы всех князей ольговичей — Святослава киевского — распространились и на Игоря Святославича новгород-северского, его двоюродного брата, находившегося у него в подчинении. Прямодушный и честный, Игорь решительно рвет со своей прежней политикой; он становится яростным противником половцев. Однако Игорю Святославичу не сразу удалось доказать свою преданность новой для него политике единения, совместной борьбы с половцами.

В 1184 году объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича киевского половцы были разбиты. Захвачены были военные машины, отбиты русские пленники; попал в плен «басурменин», стрелявший «живым огнем». Половцы были уstraшены, и опасность, казалась бы, надолго устранена от Русской земли. Однако Игорь Святославич новгород-северский не смог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной, и гололедица помешала его конному войску подоспеть вовремя. По-видимому, Игорь Святославич тяжело переживал эту неудачу: ему не удалось доказать свою преданность союзу русских князей против половцев, его могли заподозрить в умышленном уклонении от участия в походе, как бывшего союзника Кончака. Вот почему в следующем, 1185 году Игорь, «не сдержав юности» — своего молодого задора, без сговора со Святославом и Рюриком бросается в поход против половцев.

Он ставит себе смелую задачу — собственными силами «поискать» старую черниговскую Тмуторокань, находившуюся на берегу Черного моря и когда-то принадлежавшую черниговским князьям. Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой — общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам — свидетелям его позора, муки страдающего самолюбия — все это двигало им в походе.

Смелость, искренность, чувство чести столкнулись в характере Игоря с его недалекостью, любовь к Родине — с отсутствием ясного представления о необходимости единения, совместной борьбы. Игорь в походе дейст-

вовал с исключительной отвагой, но он не подчинил всю свою деятельность интересам Родины, он не смог отказаться от стремления к личной славе, и это привело его к поражению, которого еще не знали русские. Впервые за всю историю борьбы с половцами русские князья — Игорь и его брат Всеволод, «буй тур», — оказались в плену. Впервые русское войско потерпело такое страшное поражение. В этом черты особого трагизма похода Игоря Святославича — трагизма, приковавшего к этому походу внимание и автора «Слова о полку Игореве», и летописцев, составивших о нем в разных концах Русской земли свои повести, самые обширные и, может быть, самые живые из всех повестей о степных походах русских князей.

Поход Игоря Святославича новгород-северского

Сохранилось два летописных рассказа о походе Игоря Святославича 1185 года: один более обширный — в Ипатьевской летописи, другой более сжатый — в Лаврентьевской. Вот как на основании этих двух летописных рассказов можно себе представить поход Игоря.

23 апреля 1185 года, во вторник, Игорь Святославич новгород-северский, сын его — Владимир путивльский, племянник — князь Святослав Ольгович рыльский вместе с присланными от Ярослава Всеволодовича черниговского во главе с Ольстином Олексичем дружинами ковуев выступили в далекий степной поход на половцев без сговора с киевским князем Святославом. Откормленные за зиму кони шли тихо. Игорь ехал, собирая свою дружину. В походе у берегов Донца 1 мая, когда день клонился к вечеру, их застигло солнечное затмение, считавшееся в те времена предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. У реки Оскола Игорь два дня поджидал брата Всеволода, шедшего иным путем, из Курска. От Оскола пошли дальше, к реке Сальнице.

Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские сторожа, которых послали ловить «языка», донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. Сторожа советовали либо идти быстрее, либо возвратиться. Но Игорь сказал: «Оже ны будеть не бившися возвратитися, то соромъ ны будеть пущей смерти...». Согласившись на этом, русские не стали на ночлег, а ехали всю ночь. На следующий день, в обеденное время, русские встретили половецкие полки. Половцы отправили назад свои вежи (кочевые жилища на телегах), а сами, собравшись «от мала и до велика», выстроились на той стороне реки Сюрля. Войска Игоря построились в шесть полков. По обычаю того времени, Игорь Святославич сказал князьям краткое ободряющее слово: «Братья, сего мы искали, а потягнемь». Посередине стал полк Игоря, по правую руку от него — полк буй тура Всеволода, по левую — полк Игоревы племянника Святослава рыльского, впереди — полк сына Игоря, Владимира, и полк черниговских ковуев. Отборные стрелки, выведенные из всех полков, стали впереди строя. Половцы выстроили своих стрельцов. «Пустивши по стреле», то есть дав залп из луков, половцы бежали. Бежали и те половецкие полки, которые стояли вдалеке от реки. Передовые полки

черниговских ковуев и Владимира Игоревича погнались за половцами. Игорь же и Всеволод шли медленно, сохраняя боевой порядок своих полков. Русские овладели вежами половцев и захватили полон (пленных). Часть войска гналась за половцами дальше и ночью вернулась назад с полоном.

Как рассказывает Ипатьевская летопись, на следующий же день после первой победы над половцами, с рассветом, половецкие полки, «как борове», то есть подобно лесу, стали неожиданно наступать на русских. Небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя «всю половецкую землю». Но и в этом случае отважный Игорь не поворотил полки. Его речь перед битвой напоминает речи Владимира Мономаха своей заботой о «черных людях», то есть о простых ратниках из крестьян. Он сказал: «Если погибнем или убежим, а черных людей покинем, то ны будеть грех... Поидем! Но или умерь, или живи будемь на едином месте». Чтобы пробиваться к Донцу, не опережая и не отставая друг от друга, Игорь приказал конным спешиться и драться всем вместе.

Трое суток день и ночь медленно пробивался Игорь к Донцу со своим войском. В бою Игорь был ранен в правую руку. Оттесненные половцами от воды, воины были истомлены жаждой. Первыми изнемогли от жажды кони. Много было раненых и мертвых в русских полках. Бились крепко до самого вечера, бились вторую ночь; на рассвете утром в воскресенье черниговские ковуи дрогнули. Игорь поскакал к ковуям, чтобы остановить их. Он снял шлем, чтобы быть ими узанным, но не смог их задержать. На обратном пути, в расстоянии полета стрелы от своего полка, изнемогая от раны, он был взят в плен половцами. Схваченный ими, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод во главе своего войска, и, по словам летописи, просил смерти, чтобы не видеть его гибели. Раненого Игоря взял к себе на поруки его бывший союзник — Кончак. Из всего русского войска спаслось только пятнадцать человек, а ковуев и того меньше. Прочие же утонули.

В то время Святослав Всеволодович киевский, решив идти на половцев к Дону на все лето, собирал воинов на севере своих владений — в «верхних» землях. На обратном пути у Новгорода-Северского Святослав услышал, что двоюродные братья его пошли, утаясь от него, на половцев, и «не любо бысть ему». Когда Святослав подходил уже в ладьях к Чернигову, он узнал о поражении Игоря. Святослав, услышав это, «глубоко вздохнул», «утер слезы» и сказал: «О, любя моя братья и сынове и мужи земле Руское! Дал ми Бог притомити поганья, но не воздержавше уности (юности) отвориша ворота на Русскую землю... Да како жаль ми бяшеть на Игоря (как мне было на него раньше досадно), тако ныне жалую больше (так теперь еще больше жалею) по Игоре, брате моемь».

В этих словах Святослава точно определены последствия поражения Игоря. Святослав «притомил поганых» в своем походе 1184 года, а Игорь, «не сдержав юности», свел на нет его результаты — «отворил ворота» половцам на Русскую землю. Скорбь и лютая туга (печаль) распространились по всей

Русской земле. «И не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее», — говорит летописец.

Половцы, победив Игоря с братиею, «взяша гордость велику» и собрав весь свой народ, ринулись на Русскую землю. И была между ними распря: Кончак хотел идти на Киев — отомстить за Боняка и деда своего Шарукана, потерпевших там поражение в 1106 году, а Гзак предлагал пойти на реку Сейм, «где ся остале жены и дети: готов нам полон собран; емлем же города без опасы».

И так разделились надвое. Кончак пошел к Переяславлю-Южному, осадил город и бился здесь весь день.

В Переяславле был тогда князем Владимир Глебович. Был он «дерз и крепок к рати», выехал из города и бросился на половцев, но дружины выехать за ним дерзнуло немного. Князь крепко бился с врагами, был окружен и ранен тремя копьями. Тогда прочие подоспели из города и отняли князя. Владимир из города послал сказать Святославу киевскому, Рюрику и Давыду Ростиславичам: «Се половцы у мене, а помозите ми». Между войсками Рюрика и Давыда произошли разногласия, смоленские дружины Давыда «стали вечем» и отказались идти в поход. Святослав с Рюриком поплыли по Днепру против половцев, а Давыд со своими смольнянами возвратился обратно. Услышав о приближении войска Святослава и Рюрика, половцы отступили от Переяславля и на обратном пути осадили город Римов. Все эти события нашли отражение в «Слове».

В плену Игорь пользовался относительной свободой и почетом. К нему приставили двадцать сторожей, которые не мешали ему ездить куда он захочет, и слушались его, когда он куда-либо их посылал. С ними Игорь ездил на ястребиную охоту.

Половец по имени Лавр предложил Игорю бежать. Игорь отказался пойти «неславным путем», но обстоятельства в конце концов вынудили его к бегству: сын тысяцкого и конюший, находившиеся вместе с Игорем в плену, сообщили ему, что возвращающиеся от Переяславля половцы намерены перебить всех русских пленных. Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего с приказом перебираться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Игорь поднял полу половецкой вежи, вышел, перебрался через реку, сел там на коня и бежал.

Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони. Приехав в Новгород-Северский, Игорь вскоре пустился в объезд — в Чернигов и в Киев, — ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

Время создания «Слова о полку Игореве»

«Слово о полку Игореве» было создано вскоре после событий Игорева похода. Оно написано под свежим впечатлением от этих событий. Это не историческое повествование о далеком прошлом — это отклик на события своего времени, полный еще не притупившегося горя. Автор «Слова» обращается в своем произведении к современникам событий, которым эти события были хорошо известны. Поэтому «Слово» соткано из намеков, из напоминаний, из глухих указаний на то, что было еще живо в памяти каждого читателя-современника.

Есть и более точные указания в «Слове о полку Игореве» на то, что оно написано вскоре после описываемых событий. В 1196 году умер буй тур Всеволод, в 1198 году Игорь Святославич сел на княжение в Чернигове, не раз ходил перед тем вновь на половцев, но все это осталось без упоминаний в «Слове о полку Игореве». Не упомянуты и другие события русской истории, случившиеся после 1187 года. В частности, автор «Слова» в числе живых князей называет умершего в 1187 году Ярослава Осмомысла галицкого: к нему автор «Слова» обращается с призывом «стрелять» в Кончака «за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславича». Отсюда ясно, что «Слово» написано не позднее 1187 года; но оно не могло быть написано и ранее 1187 года, так как оно заключается «славой» молодым князьям, в том числе и Владимиру Игоревичу, только в том же, 1187 году вернувшемуся из плена. Поэтому можно думать, что «Слово о полку Игореве» написано в 1187 году.

«Слово о полку Игореве» — призыв к единению

«Слово о полку Игореве» было непосредственным откликом на события Игорева похода. Оно было призывом к прекращению княжеских усобиц, к объединению перед лицом страшной внешней опасности. По точному выражению Карла Маркса, «смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». Этот призыв и составляет основное содержание «Слова о полку Игореве». На примере поражения Игоря автор показывает печальные последствия политического разъединения Руси.

«Слово о полку Игореве» не только повествует о событиях Игорева похода — оно дает им оценку. Оно представляет собой страстную и взволнованную речь патриота, то обращающегося к событиям живой современности, то вспоминающего дела седой старины. Эта речь — то гневная, то печальная и скорбная, но всегда полная веры в Родину, полная любви к ней, уверенности в ее будущем.

В «Слове о полку Игореве» ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Оно чувствуется и в выборе выражений — обычных, употреблявшихся в устной речи, и военных терминов; оно чувствуется и в выборе художественных образов, лишенных литературной изысканности, доступных и народных; оно чувствуется и в самой ритмике языка.

Автор «Слова о полку Игореве» постоянно обращается к своим читателям, называя их «братия», точно он видит их перед собой. В круг своих воображаемых слушателей он вводит и своих современников, и людей прошлого. Он обращается к Бояну: «О Бояне, соловью стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекоталь». Он обращается к буй туру Всеволоду: «Ярь туре Всеволодъ! Стоиши на борони, прыщещи на вой стрълами, гремлеши о шеломя мечи харалужными!». Он обращается к Игорю, к Всеволоду суздальскому, к Рюрику и Давыду Ростиславичам и ко многим другим. Говоря о печальных предзнаменованиях, которые предшествовали походу Игоря и сопровождали Игоря на его роковом пути, он как бы хочет остановить его и тем самым вводит читателя в тревожную обстановку похода. Он прерывает самого себя восклицаниями скорби: «О Руская земль! уже за шеломянемъ еси!», «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!» Все это создает впечатление непосредственной близости автора «Слова» к тем, к кому он обращается.

Эта близость больше, чем близость писателя к своему читателю, скорее это близость оратора или певца, непосредственно обращающегося к своим слушателям.

Когда читаешь «Слово о полку Игореве», живо чувствуешь, что автор предназначал его скорее всего для произнесения вслух.

Однако было бы ошибочным считать, что «Слово о полку Игореве» предназначалось только для произнесения или только для чтения, — не исключена возможность, что автор «Слова» предназначал свое произведение и для пения. Сам автор «Слова» хотя и называет свое произведение очень неопределенно — то «словом», то «песнью», то «повестью», однако, выбирая свою поэтическую манеру, рассматривает как своего предшественника не какого-либо из известных нам писателей и ораторов XI—XII веков, а Бояна — певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент какого-то струнного инструмента — по-видимому, гуслей. Автор «Слова» считает Бояна своим предшественником в том же роде поэзии, в каком творит и сам.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» — это призыв к единению. Оно было несомненно написано автором, но автор чувствовал свою связь с устным словом, с устной поэзией; автор чувствовал свое произведение произнесенным, но предназначалось ли оно для произнесения вслух как речь или для пения, сказать трудно. Если это речь, то она все же имеет сходство с песней; если это песнь, то она близка к речи. К сожалению, ближе определить жанр «Слова» не удастся. Написанное, оно сохраняет все обаяние живого, устного слова — слова горячего, убеждающего, полного самой искренней, самой задушевной и сердечной любви к Родине.

Подлинный смысл призыва автора «Слова о полку Игореве» заключался, конечно, не только в попытке организовать тот или иной поход, но и в том, чтобы объединить общественное мнение против раздоров князей, настроить общественное мнение против поисков князьями личной «славы», личной «чес-

ти» и отмщения ими личных «обид». Задачей «Слова» было не только военное, но и идейное сплочение всех лучших русских людей вокруг мысли о единстве Русской земли.

Политическое мировоззрение автора «Слова о полку Игореве»

Каким же представлялось автору «Слова о полку Игореве» то единство Руси, к которому он звал своих читателей? Единство Руси представлялось автору «Слова» не в виде прекраснородных «доброродных» отношений всех русских князей на основе их доброй воли. Само собой разумеется, что нельзя было просто уговорить русских князей перестать враждовать между собой. Нужна была такая сильная центральная власть, которая могла бы скрепить единство Руси, сделать Русь мощным государством. Автор «Слова» — сторонник сильной княжеской власти, которая была бы способна обуздать произвол мелких князей.

Центр единой Руси он видит в Киеве. Киевский князь рисуется ему как сильный и «грозный» властитель. Поэтому автор «Слова» наделяет «слабого» киевского князя Святослава Всеволодовича идеальными свойствами главы русских князей: он «грозный» и «великий».

Обращаясь с призывом к русским князьям встать на защиту Русской земли, автор «Слова о полку Игореве» напоминает этим князьям об их военном могуществе и как бы рисует в своем обращении собирательный образ сильного, могущественного князя. Этот князь силен войском: он «многовой». Он силен судом: «суды рядить до Дуная». Он вселяет страх пограничным с Русью странам; он может «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти». Он «подперъ горы Угорские своими железными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота». Он славен в других странах; ему поют славу «нъмци и венецици», «греци и моравы».

Перед нами образ князя, воплощающего собой идею сильной княжеской власти, с помощью которой должно было осуществиться единство Русской земли. Эта идея сильной княжеской власти только еще рождалась в XII веке. Впоследствии этот же самый образ «грозного» великого князя отразился в Житии Александра Невского и в ряде других произведений XIII века. Не будет только стоять за этим образом «грозного» великого князя — Киев как центр Руси. Перемещение центра Руси на северо-восток и падение значения киевского стола станет слишком явным. Значение центра Русской земли в XV—XVI веках перейдет к Москве, которая и объединит Русь с помощью сильной власти московского князя.

В XII веке сильная княжеская власть едва только начинала возникать, ей еще предстояло развиваться в будущем, однако автор «Слова о полку Игореве» уже видел, что с помощью сильной княжеской власти можно будет объединить Русь и дать крепкий отпор внешним врагам.

Образ русской земли в «Слове о полку Игореве»

Свой призыв к единению, свое чувство единства Родины автор «Слова о полку Игореве» воплотил в живом, конкретном образе Русской земли. «Слово о полку Игореве» посвящено всей Русской земле в целом. Героем «Слова» является не какой-либо из князей, а русский народ, Русская земля. К ней, к Русской земле, обращены все лучшие чувства автора. Образ Русской земли — центральный в «Слове»; он очерчен автором широко и свободно.

Автор «Слова о полку Игореве» рисует обширные пространства Русской земли. Он ощущает Родину как единое огромное целое.

Едва ли в мировой литературе есть произведение, в котором были бы одновременно втянуты в действие такие огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), «синее море», Дон, Волга, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Рось, Сула, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмуторокань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и многие другие — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. Обширность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее частях: «дѣвици поють на Дунаи, — вьются голоси чрезъ море до Киева». Одновременно с походом Игоревы войска двигаются к Дону половцы «неготовыми дорогами», скрипят их несмазанные телеги.

Обширные пространства Родины, в которых разворачивается действие «Слова о полку Игореве», объединяются гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав дотронулся копьем до золотого престола киевского, отскочил от него лютым зверем, в полночь из Белгорода скрылся в синей ночной мгле, наутро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав-князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмуторокани; великому Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторгнул поганого Кабяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В обширных пространствах Руси могущество героев «Слова о полку Игореве» приобретает гиперболические размеры: Владимира I Святославича нельзя было пригвоздить к горам киевским, галицкий Ярослав подпер горы угорские (венгерские) своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота.

Такой же грандиозностью отличается и пейзаж «Слова о полку Игореве», всегда конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого... Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения войска Игоря широкая печаль течет по Руси.

Ветер, солнце, грозовые тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щёкот соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки составляют огромный, необычайно широкий фон, на котором разворачивается действие «Слова», передают ощущение бескрайних просторов Родины.

Широкий простор родной природы живо ощущается и в плаче Ярославны. Ярославна обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабль на синем море, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы ладьи до Кобякова стана, к солнцу, которое для всех тепло и прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

В радостях и печалях русского народа принимает участие вся русская природа: понятие Родины — Русской земли — объединяет для автора ее историю, «страны», то есть сельские местности, города, реки и всю природу — живую, сочувствующую русским. Солнце тьмою заслоняет путь князю — предупреждает его об опасности. Донец стелет бегущему из плена Игорю зеленую постель на своих серебряных берегах, одевает его теплым туманом, сторожит гоголями и дикими утками.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы.

Ощущение обширности пространства и простора Родины, постоянно присутствующее в «Слове о полку Игореве», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (гуси, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты к Дону и к синему морю, через поля широкие. Постоянные упоминания о море подчеркивают это ощущение.

Охватывая мысленным взором всю Русскую землю, автор видит и слышит все, что в ней происходит. Автор «Слова о полку Игореве» говорит о подробностях походной жизни, о приемах защиты и нападения, о различных деталях вооружения, отмечает поведение птиц и зверей.

Образ Родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противопоставлен образу пустынной половецкой степи — «стране неизвестной», ее яругам (оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

Русская земля для автора «Слова о полку Игореве» — это, конечно, не только «земля» в собственном смысле этого слова, не только русская природа, русские города, это, в первую очередь, народ, ее населяющий. Автор «Слова» говорит о мирном труде русских «ратаев» — пахарей, нарушенном усобицами князей; он говорит о женах русских воинов, оплакивающих своих мужей, павших в битве за Русь; он говорит о горе всего русского народа по-

сле поражения Игоря, о гибели достояния русского народа, о радости жителей городов и сельских местностей при возвращении Игоря.

Войско Игоря новгород-северского — это прежде всего «русичи» (русские сыны). Они идут на половцев за Родину; переходя границу Руси, они прощаются с Родиной — с Русской землей в целом, а не с Новгород-Северским княжеством, не с Курском или с Путивлем. «О Руская земль! уже за шеломянемъ еси!»

Вместе с тем понятие Родины включает для автора «Слова о полку Игореве» и ее историю. В зачине к «Слову» автор говорит, что он собирается вести свое повествование «отъ стараго Владимира (Владимира I Святославича) до нынѣшняго Игоря». Излагая историю неудачного похода князя Игоря на половцев, автор охватывает события русской жизни за полтора столетия и ведет свое повествование, «свивая славы оба полы сего времени» — постоянно обращаясь от современности к истории, сопоставляя прошлые времена с настоящим. Автор вспоминает века Трояновы, годы Ярославовы, походы Олеговы, времена «стараго Владимира» Святославича.

Автор «Слова о полку Игореве» рисует удивительно живой образ Русской земли. Создавая «Слово», он сумел окинуть взором всю Русь целиком, объединил в своем описании и русскую природу, и русских людей, и русскую историю. Образ страдающей Родины очень важен в художественном и идейном замысле «Слова»: он вызывает сочувствие к ней читателя, он возбуждает ненависть к ее врагам, он зовет русских людей на ее защиту. Образ Русской земли — существенная часть «Слова» как призыва к ее защите от внешних врагов.

«Слово о полку Игореве» — произведение поразительно цельное. Художественная форма «Слова» очень точно соответствует его идейному замыслу. Все образы «Слова» способствуют выявлению его основной идеи — идеи единства Руси.

Образы русских князей в «Слове о полку Игореве»

Отношение автора «Слова о полку Игореве» к русским князьям двойственное: он видит в них представителей Руси, он им сочувствует, гордясь их успехами, скорбя об их неудачах, но осуждает их эгоистическую, узко местную политику и их раздоры, их нежелание совместно защищать Русскую землю.

На примере похода Игоря Святославича новгород-северского автор показывает, к чему может привести отсутствие единения. Игорь терпит поражение только потому, что пошел в поход один. Он действует по формуле: «мы себе, а ты себе». Слова Святослава киевского, обращенные к Игорю Святославичу, характеризуют в известной мере и отношение к нему автора «Слова». Святослав упрекает Игоря и Всеволода в том, что они без сговора с ним отправились в поход, ища себе славы. Он упрекает их в том, что они хотели

похитить славу его побед над половцами и разделить только между собою славу своего похода.

В этих же чертах выдержан и весь рассказ о походе Игоря: храбрый, но недальновидный Игорь идет в поход, несмотря на то, что поход этот с самого начала обречен на неуспех; он идет, несмотря на все неблагоприятные «знамения». Игорь любит Родину, Русь, но основным побуждением его является стремление к личной славе. Игорь говорит: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону»; и еще: «Хощу бо, — рече, — копие приложити конецъ поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону». Желание личной славы «заступает ему знамение».

Однако автор подчеркивает, что поступки Игоря Святославича обусловлены в большей мере понятиями его среды, чем его личными свойствами. Сам по себе Игорь Святославич скорее даже хорош, чем плох, но деяния его плохи, потому что над ними господствуют предрассудки общества. Поэтому в образе Игоря на первый план выступает общее, а не индивидуальное. Игорь Святославич — «средний» князь своего времени: храбрый, мужественный, в известной мере любящий Родину, но безрассудный и недальновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести Родины.

С гораздо большим осуждением говорит автор «Слова о полку Игореве» о родоначальнике князей ольговичей и деде Игоря Святославича — Олеге Гориславиче, внуке Ярослава Мудрого и постоянном противнике Владимира Мономаха. Вспоминая этого Олега (Олег жил во второй половине XI — начале XII века; умер в 1115 году), автор «Слова» говорит, что он мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял, при нем сеялась и прорастала усобицами Русская земля. Автор «Слова» отмечает гибельность крамол Олега прежде всего для трудового народа, для крестьянства: «Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие». Автор наделяет Олега ироническим отчеством «Гориславич», имея в виду, конечно, не его личное горе, а народное горе, вызванное усобицами Олега.

Зачинателем усобиц изображен и родоначальник полоцких князей Всеслав полоцкий. Весь текст о Всеславе представляет собою размышление о его злощастной судьбе. Всеслав изображен в «Слове» с осуждением, но и с некоторой, правда очень незначительной, долей сочувствия. Это неприкаянный князь, мечущийся, как затравленный зверь, хитрый, «вещий» неудачник. Перед нами исключительно яркий образ князя периода раздробленности Руси.

В остальных русских князьях автор «Слова о полку Игореве» в большей мере отмечает их положительные черты, чем отрицательные. Автор подчеркивает подвиги русских князей, рисует их могущество, их славу. В образах русских князей отражены его мечты о сильной власти ни Руси, о военном мо-

гуществе русских князей. Владимир I Святославич так часто ходил в походы на врагов, что его «нельзя было пригвоздить к горам киевским». Всеволод суздальский может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить, и автор «Слова» скорбит о том, что этого князя нет сейчас на юге. Ярослав Осмомысл подпер горы венгерские своими железными полками, загородил дорогу венгерскому королю, отворял Киеву ворота, стрелял в салтанов за землями.

Понятие гиперболы может быть применено к «Слову о полку Игореве» лишь с большими ограничениями. Впечатление гиперболы достигается в «Слове» тем, что на того или иного князя переносятся подвиги его дружины. Так, например, Всеволод буй тур прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными; шлемы оварские «поскепаны» его калеными саблями. Конечно, стрелы, мечи и сабли — не личные Всеволода. Автор «Слова» говорит здесь о том, что Всеволод прыщет на врагов стрелами своей дружины, сражается ее мечами и ее саблями. То же перенесение подвигов дружины на князя видим мы и в других случаях. Святослав киевский «притрепал» коварство половцев «своими сильными плъкы и харалужными мечи»; Всеволод суздальский может «Донъ шелома выльяти» — конечно, не своим одним шлемом, а многими шлемами своего войска.

Совсем особую группу составляют женские образы «Слова о полку Игореве»: все они овеяны мыслью о мире, о семье, о доме, проникнуты нежностью и лаской, ярко народным началом; в них воплощена печаль и забота Родины о своих воинах. В идейном замысле автора эти женские образы занимают очень важное место.

Жены русских воинов после поражения Игоревы войска плачут о своих павших мужьях. Их плач, полный нежности и беспредельной грусти, носит глубоко народный характер: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати». Тот же народно-песенный характер носит и плач Ярославны — юной жены Игоря. Замечательно, что Ярославна оплакивает не только пленение своего мужа — она скорбит о всех павших русских воинах: «О вѣтръ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычеша хиновская стрѣлки на своєю нетрудноу крилцю на моя лады вои?.. Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всъмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладъ вои?»

Противопоставление войны миру, воплощенному в образе русских женщин, особенно ярко в лирическом обращении автора «Слова» к Всеволоду буй туру. В разгар боя Всеволод не чувствует на себе ран, он забыл честь и жизнь и своей милой, любимой «красныя Глѣбовны свычая и обычая». Характерно, что ни один переводчик «Слова» не смог удовлетворительно перевести превосходное и, в сущности, хорошо понятное выражение: «свычая и обычая».

Итак, образы русских князей, женские образы «Слова о полку Игореве» даны не сами по себе — они служат идеям автора, служат целям все того же

призыва к единению. Перед нами и здесь «Слово» выступает как произведение исключительно целеустремленное. Рукою художника — автора «Слова» — водила политическая мысль, мысль страстная, полная горячей любви к Родине.

Образ Бояна

Особняком в «Слове о полку Игореве» стоит образ певца-поэта Бояна. Отношение к нему у автора «Слова» сложное: с воспоминания о Бояне он начинает свое вступление, его он рисует великим поэтом прошлого, однако одновременно автор «Слова» считает невозможным следовать старым поэтическим приемам Бояна.

Боян — «вещий», он «внук» (потомок) языческого бога Велеса. Это «соловей старого времени». Боян сам слагал свои песни и сам их пел, сопровождая их игрой на каком-то струнном инструменте. Он был хотью (любимцем) князя Олега Святославича (Олега Гориславича) — родоначальника князей ольговичей. Его песни — «славы» князьям. Боян пел песнь «старому Ярославу» (Ярославу Мудрому), храброму Мстиславу Тмутороканскому, Роману Святославичу. Его струны сами рокотали славу князьям. В своей высокопарной манере Боян как бы летал умом под облаками, «скакал соловьем» по воображаемому дереву, рыскал по тропе Трояна через поля на горы.

Свое произведение автор «Слова о полку Игореве» противопоставляет произведениям Бояна: «Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени (то есть по действительным событиям нашего времени), а не по замыслению Бояню». При всем своем уважении к славе и величию Бояна автор «Слова» подчеркивает неприемлемость для себя его «старых словес».

Эту последнюю сторону отношения автора «Слова» к Бояну хорошо определил Пушкин в своих оставшихся незаконченными подготовительных заметках к переводу «Слова»: «Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна».

В идейном замысле «Слова о полку Игореве» образ Бояна имеет существенное значение. Он нужен автору для того, чтобы подчеркнуть, что он следует в своем повествовании за действительными событиями «сего времени»; он нужен автору, чтобы указать, что «Слово» правдиво, что оно не занимается высокопарным восхвалением подвигов князей. Автор «Слова» не отрицательно относится к русским князьям, как не отрицательно относится он и к Бояну, но его произведение — не «слава», не «хвала» князьям, и сам он не следует традициям хвалебной поэзии Бояна.

«Слово о полку Игореве» и русская народная поэзия

Если мы присмотримся к тем художественным средствам, которыми пользуется автор «Слова о полку Игореве», то убедимся, что в основном он черпает их из устной народной поэзии и из устной русской речи. И это далеко не случайно. С народной поэзией связывают его не только художественные вкусы, но мировоззрение, политические взгляды. Автор «Слова» творит в формах народной поэзии потому, что сам он близок к народу.

Народные образы «Слова о полку Игореве» тесно связаны с его народными же идеалами. Художественная сторона и идейная неотделимы в «Слове» друг от друга. Вот, например, обычное в «Слове» сравнение битвы с жатвой: при Олеге Гориславиче Русская земля «съяшется и растяшет усобицами»; в битве Игоря с половцами «чръна земля подъ копыты костьми была посъяна, а кровию поляна»; о битве Всеслава на реке Немиге сказано: «На Немизъ снопы стелють головами, молотять чепа харалужными, на тоць животь кладуть вѣють душу отъ тьвла. Немизъ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посъяни — посъяни костьми рускихъ сыновъ». Эти сравнения были очень часты в устной народной поэзии. Они встречаются и позднее — в записях русских, украинских и белорусских песен, сделанных в XVIII и XIX веках. В старых солдатских и казачьих песнях мы находим такие строки:

Посеяна новая пашня
Солдатскими головами.
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Или:

Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами,
Засеяно поле не всхожими семенами,
Засеяно казачьими головами,
Заволочено поле казачьими черными кудрями.

Или:

Чорна роля [пашня] забрана,
Кулями засіяна,
Білим тілом вволочена,
І кров'ю сполощена.

Замечательно, однако, что это сравнение поля битвы с пашней в «Слове о полку Игореве» и в народной поэзии имеет глубокий идейный смысл. Это даже не сравнение, а противопоставление: в «Слове» и в народной поэзии противопоставляется война — мирному труду, разрушение — созиданию, смерть — жизни (по-древнерусски «жизнь» — не только «существование», но и богатство, плоды земледельческого труда, «жито»).

Образы мирного труда, пронизывающие все «Слово о полку Игореве» в целом, делают это произведение апофеозом мира. «Слово» призывает к борьбе с половцами, в первую очередь, во имя защиты мирного труда.

Противопоставление мира войне пронизывает и другие части «Слова о полку Игореве». Автор «Слова» обращается к образу пира как к апофеозу мирного труда: «ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». С поразительной конкретностью противопоставляя русских их врагам, он называет последних сватами: Игорь Святославич действительно приходился сватом Кончаку (дочь Кончака была помолвлена с сыном Игоря — Владимиром). Отсюда следует, что образ пира-битвы не просто заимствован из народной поэзии, где он обычен, а умело осмыслен. Той же цели противопоставления мира войне служат и женские образы «Слова»: Ярославна и красная Глебовна.

Встречаются в «Слове о полку Игореве» и другие признаки его тесной связи с устной народной поэзией: отрицательные метафоры («Немизь кровави брезь не бологомъ бяхуть посьяни — посьяни костью рускихъ сыновъ»), некоторые типично народные эпитеты (чистое поле, серые волки, острые мечи, синее море, каленые стрелы, борзые кони, черный ворон, красные девы и многие другие). Приводятся в «Слове» плачи (плач Ярославны, плач русских жен) и прославления («Слово» заключается «славой» русским князьям).

Мы уже сказали выше, что эта связь автора «Слова о полку Игореве» с народной поэзией не была случайной. Автор «Слова» занимал свою независимую патриотическую позицию, по духу своему близкую широким слоям трудового населения Руси. Его произведение — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите мирного, созидательного труда русских людей. Вот почему художественная, поэтическая система «Слова» тесно связана с русским народным творчеством.

Ритмичность «Слова о полку Игореве»

Не раз делались попытки разложить текст «Слова о полку Игореве» на стихи, найти в «Слове» тот или иной стихотворный размер. Однако все эти попытки не привели ни к чему, так как «Слово», конечно, не написано по законам современного нам стихосложения. Оно ритмично, но его ритмическая система глубоко своеобразна, принадлежит своему времени — XII веку — и не поддается разложению на современные нам стихотворные размеры.

Ритм «Слова» в основном связан с синтаксическим построением фраз, неразрывен со смыслом, с содержанием текста.

Тревожный ритм коротких синтаксически-смысловых единиц превосходно передает волнение Игоря перед бегством:

Игорь спить,
Игорь бдить,
Игорь мыслию поля мѣрить.

Или:

Кликну,
стукну земля,
въшумъ трава,
вежи ся половецкии подвизашася.

Иной ритм — ритм большого, свободного дыхания народного плача — чувствуется в обращениях Ярославны к солнцу, к ветру, к Днепру:

О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозъ землю Половецкую.
Ты лепляль еси на себѣ Святославля насады
до плъку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано.

Бодрый и энергичный ритм мчащегося войска чувствуется в описании кметей Всеволода буй тура:

..под трубами повити,
под шеломы възлѣлѣяни,
конецъ копия въскрѣмлени,
пути имь вѣдоми,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ,
ищучи себе чти, а князю славъ.

Торжество победы русских над половцами превосходно передано энергичной фразой, лишенной сказуемого и потому производящей впечатление радостного возгласа, выкрика:

Чрьлень стягъ,
бѣла хорюговъ,
чрьлена чолка,
сребрено стружие —
храброму Святъславличю!

Ритмичность «Слова о полку Игореве» теснейшим образом связана со всей его композицией. Ритмично все построение «Слова» в целом. Ритмичны равномерные переходы от одной темы к другой. Ритмичны равномерно распределяющиеся в «Слове» лирические отступления, повторяющиеся лирические восклицания. Дважды повторено в «Слове» восклицание: «О Руская земль! уже за шеломянемъ еси!» Дважды повторено восклицание: «А Игоревва храбраго плъку не крѣсити!» Трижды повторен призыв: «За землю Рускую,

за раны Игоревы, буюго Святъславича!» Ритмично повторяются одинаково построенные обращения Ярославны к ветру, к Днепру и к солнцу. Ритмично сменяют друг друга призывы к русским князьям: к Всеволоду, к Рюрику и Давыду, к Ярославу Осмомыслу. Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз:

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пирь докончаша храбрии русичи.

Уже снесся хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю.

Ритмичность достигается также сходным синтаксическим построением фраз:

...притопта хлъми и яругы,
взмути рѣкы и озеры,
иссуши потоки и болота.

Ритм речи создают и излюбленные в «Слове» парные сочетания: «чти и живота», «свычая и обычая», «туга и тоска», «отъ Дона и отъ моря», «въ ты рати и въ ты пълкы», «что ми шумить, что ми звенить», «хълми и яругы», «рѣкы и озеры», «потоки и болота» и т.д. Наконец, ритм в «Слове» связан и с постоянными противопоставлениями:

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нѣ часто врани граяхуть.

Коли Игорь соколомъ полетѣ,
тогда Влурѣ влъкомъ потече.

Противопоставления эти неразрывны с основным содержанием «Слова», отвечают его идейному замыслу.

Итак, гибкий ритм «Слова о полку Игореве» подчинен содержанию. Ритм «Слова» меняется, близко следуя смыслу, содержанию произведения. В этом точном соответствии ритмической формы и идейного содержания «Слова» — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

Кем был автор «Слова о полку Игореве»

Автор «Слова» мог быть приближенным Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным Святослава Киевского: он сочувствует и ему. Он мог быть черниговцем и киевлянином. Он мог быть дружинником: дружинными понятиями он пользуется постоянно. Он, несомненно, был книжно образованным человеком и по своему социальному положению вряд ли принадлежал к эксплуатируемому классу населения. Однако в своих политических воззрениях он не был ни «придворным», ни дружинником, ни защитником местных интересов, ни идеологом князей, бояр или духовенства. Где бы ни было создано «Слово» — в Киеве, в Чернигове, в Галиче, в Полоцке или в Новгороде-Северском, — оно не воплотило в себе никаких местных черт. Автору «Слова» были чужды местные интересы и близки интересы широких слоев русского трудового населения, повсюду стремившегося к единству Руси, хотя сам он, вероятно, не был ни крестьянином, ни ремесленником, а скорее всего принадлежал к дружинникам.

Самое имя автора «Слова» нам неизвестно и вряд ли станет когда-нибудь известно. Все попытки точно выяснить имя автора «Слова», которые до сих пор были сделаны, не выходят за пределы самых шатких и фантастических предположений.

«Слово о полку Игореве» в древнерусской литературе

Знакомство со «Словом о полку Игореве» отчетливо обнаруживается во всем последующем развитии древней русской литературы. Так, например, в одной богослужебной книге — в так называемом псковском «Апостоле» 1307 года, хранящемся в Государственном Историческом музее в Москве, — имеется следующая приписка, сделанная переписчиком на последнем листе рукописи: «Сего же лета бысть бой на Русьской земли Михаил с Юрьем о княжене новгородское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гняше жизнь наша в князех, которы и веци скоротишася человеком». Приписка эта в своей второй половине представляет собой переделку следующего места из «Слова»: «Тогда, при Олзь Гориславличи, съяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Дажьdboжа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци челоуѣкомъ скратишась».

В самом начале XV века «Слово о полку Игореве» послужило литературным образцом для создания «Задонщины». «Задонщина» — это небольшое поэтическое произведение, посвященное прославлению победы Дмитрия Донского на Куликовом поле, «за Доном». «Задонщина» пользуется образами «Слова о полку Игореве», противопоставляя печальное прошлое радости победы. Правда, автор «Задонщины» не всюду понял «Слово», искажил и ослабил многие его художественные образы.

Через «Задонщину», а может быть, и непосредственно «Слово о полку Игореве» оказало влияние и на другое произведение о Донской битве — на так называемое «Сказание о Мамаевом побоище».

В XVI веке «Слово о полку Игореве», без сомнения, переписывалось в Пскове или в Новгороде, так как сгоревшая во время пожара 1812 года рукопись «Слова» была именно этого происхождения.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» время от времени давало о себе знать в различных областях Руси. Его читали и переписывали, в нем искали вдохновения для собственных произведений. Созданное на юге Руси, «Слово» «не затерялось, — по выражению академика А.С. Орлова, — на границе «дикого поля»; оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекло его окружность».

Открытие «Слова о полку Игореве», его издание и изучение

Один из списков «Слова о полку Игореве», относящийся, по-видимому, к XVI веку, был найден в начале 90-х годов XVIII века известным любителем и собирателем русских древностей А.И. Мусиным-Пушкиным. Текст «Слова» находился в сборнике древнерусских произведений светского содержания. Сборник этот был приобретен А.И. Мусиным-Пушкиным через своего комиссионера в числе других рукописей из Спасо-Ярославского монастыря. Первое, очень краткое сообщение о «Слове» было сделано известным поэтом того времени Херасковым в 1797 году во втором издании его поэмы «Владимир». Затем о «Слове» несколько более подробно сообщил Карамзин в октябрьской книжке за 1797 год журнала «Spectateur du Nord» («Северное обозрение», франц.), издававшегося французскими эмигрантами в Гамбурге. С рукописи «Слова» сняты были копии; одна из них, предназначавшаяся для Екатерины II, до нас дошла. В 1800 году «Слово» было издано Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве со своими учеными друзьями: А.Ф. Малиновским, Н.Н. Бантыш-Каменским и историком Н.М. Карамзиным — тремя лучшими в то время знатоками древнерусских рукописей. В 1812 году сборник, включавший «Слово о полку Игореве», сгорел во время московского пожара. Сгорела и большая часть экземпляров первого издания «Слова».

Сличение екатерининской копии и издания 1800 года наглядно показывает, как многого не понимали первоначально в «Слове о полку Игореве» из-за естественной для конца XVIII века неосведомленности в истории русского языка или неумения читать древние рукописи. То, что сейчас кажется нам простым и ясным в «Слове», не было «узано» его первыми издателями. Они внесли в и без того испорченный переписчиками XII–XVI веков текст «Слова» свои собственные ошибки, кое-где не сумев его правильно прочесть. Но эти же ошибки издателей свидетельствуют вместе с тем и об их добросовестности:

они предпочитали оставлять текст «темным», чем произвольно его «просветлять».

Явное непонимание текста «Слова о полку Игореве» заметно во многих местах первого издания, где неправильно разделены или слиты слова текста (в подлиннике, по свидетельству А.И. Мусина-Пушкина, слова были писаны в сплошную строку, как это было принято в XVI веке). Так, например, в первом издании «Слова» напечатано раздельно «по скочи» вместо «поскочи», «затвори въ Дунаю» вместо «затворивъ Дунаю», «мужа имѣ ся» вместо «мужаимѣся» и т.д. Непонятные им слова первые издатели «Слова» писали иногда с прописных букв, предполагая в них собственные имена. Так получились: село в Переяславской области «Шеломянем», в то время как мы знаем, что «шеломя» — это холм, «Кощей» — якобы собственное имя половца, тогда как «кощей» — это древнерусское слово, означающее 'раб', и др. Наконец, первые издатели «Слова» оставили вовсе без перевода такое ясное для нас место, как: «великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше» — «волком перебежал дорогу богу Хорсу», то есть «поспевал до восхода солнца».

Идеи «Слова о полку Игореве» не были поняты; не находили понимания и все типично русские особенности формы «Слова» — соответствие народной поэзии, летописи, произведениям древней русской литературы.

В дальнейшем были объяснены многие исторические детали в «Слове о полку Игореве»; стали ясными многие явления языка «Слова», казавшиеся непонятными в конце XVIII — начале XIX века; параллели к образам и фразеологии «Слова» были обнаружены в народной поэзии и во многих книжных произведениях XI–XIII веков, остававшихся ранее неизвестными.

«Слово о полку Игореве» изучалось литературоведами, поэтами, лингвистами и историками. «Словом» занимался Пушкин, оставивший нам черновики своей подготовительной работы к его переводу. «Слово» переводили В. Жуковский, А. Майков, Л. Мей и многие другие русские поэты XIX века.

Не было ни одного крупного русского ученого-филолога, который не писал бы о «Слове о полку Игореве». Всего в исследовательской литературе насчитывается более семисот работ о «Слове». Оно переведено на все славянские и на большинство западноевропейских языков. Дорогие, великолепно исполненные и тщательно комментированные издания «Слова», вышедшие в славянских странах, свидетельствуют о напряженном интересе к «Слову о полку Игореве» у братских нам народов.

Многочисленные переводы «Слова о полку Игореве» на языки многих народов, издания и исследования «Слова», сделанные в последние годы, говорят о всенародной любви к этому замечательному патриотическому произведению русской литературы.

*(Приводится по кн.: Слово о полку Игореве.—
М.: Детская литература, 1970, с. 5–38)*